

© 2023 г.

К.С. МОКИН, Н.А. БАРЫШНАЯ

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СТРУКТУРА, ГРАНИЦЫ, ВОСПРОИЗВОДСТВО

МОКИН Константин Сергеевич – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (mokin_konstantin@list.ru); БАРЫШНАЯ Наталия Александровна – доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор кафедры социологии, этнографии и социометрии Российского государственного социального университета (socis64@gmail.com). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. Основываясь на данных социологических исследований в Саратовской области, Кабардино-Балкарской Республике и Республике Южная Осетия, авторы анализируют феномен территориальной идентичности. Рассматриваются ее структура, формы и механизмы воспроизводства внешних и внутренних социальных границ ее ареала, роль социальных сетей как инструмента ее сохранения, формирования и трансформации. Делается вывод, что территориальная идентичность занимает одно из ведущих мест в структуре самоидентификации индивида и может быть мощным групповым консолидирующим фактором.

Ключевые слова: территориальная идентичность • этничность • социальные границы • социальная мобилизация • социальные сети • Саратовская область • Республика Кабардино-Балкария • Республика Южная Осетия

DOI: 10.31857/S013216250024235-1

Постановка исследовательской задачи и обзор методологических подходов. Исследования территориальной идентичности в последние десятилетия обрели особую значимость в контексте консолидации локальных сообществ [Тишков, 2021; Дробижина, 2002; 2003; Малахов, 2014]. В современных геополитических условиях происходит дрейф доминирования от наднациональных и общегражданских идентичностей в сторону региональных (например, Каталония). В основе этого тренда – стремление к (вос)производству и культивированию «собственных» национальных (местных) культур, ориентация на суверенитет в определении социально-политических и экономических векторов развития территории [Мельвиль и др., 2007: 161–202]. Анализ взаимосвязи структур этнотерриториальной и гражданской идентичности, их маркеров позволяет вскрыть основные тренды формирования, факторы и механизмы воздействия на содержание территориальной идентичности, дать оценку уровня мобилизационного потенциала [Михайлов, Рунге, 2019].

Феномен территориальной идентичности необходимо рассматривать как междисциплинарный. В рамках социальной психологии он в основном ограничивается анализом когнитивного уровня, отвечающего за самокатегоризацию на основе характеристик, релевантных социальной группе, к которой индивид стремится «присоединиться» [Татарко, Лебедева, 2011]. В зарубежной психологии также выделяют place-identity (идентичность с местом), не с точки зрения социальной идентичности личности, а в контексте адаптации и биологического приспособления к окружающей среде [Twigger-Ross, Uzzell, 1996]. В социальной географии территориальная идентичность исследуется в контексте

вернакулярных районов [Казакова, 2017] и территориальных границ, в контексте мобильности и укорененности населения территории, истории места и коллективной памяти, сложившихся ценностей и норм. Кроме того, географические образы исследуются как часть национальной и этнической идентичности [Крылов, 2010]. В политологии территориальная идентичность определяется как «укорененность в системе самоидентификаций человека, особенностей и смыслов, на которых строится осознание своей принадлежности к территории» [Семененко, 2017]. Территориальная идентичность как «политическая идентичность региона» исследуется в контексте «воображаемых сообществ» [Андерсон, 2016], символического капитала и как интегрированная часть более крупной территории и собственно идентичности, как правило национальной, а также в контексте роли политических элит в формировании территориальной идентичности [Гельман, Попова, 2003].

В современных условиях в социальных науках идентичность стала рассматриваться преимущественно как продукт доминирующих дискурсов, связанных с социальными механизмами, инструментами и социальными практиками, а не в фокусе членства в группах [Козырев, Козырева, 1995; Трушева, 2014; Брубейкер, Купер, 2002; Брубейкер, 2012]. В социологических исследованиях территориальную идентичность представляют как переживаемые и/или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей, формирующие «практическое чувство» и/или сознание территориальной принадлежности индивида [Качанов, Шматко, 1998].

Фокус нашего исследования – сам феномен территориальной идентичности и социальные границы ее ареала, способы и механизмы ее воспроизводства в различных элементах социальной структуры (семья, образование, власть, массмедиа, социальные сети и т.д.).

В контексте данной работы будем понимать, что территориальная идентичность – это вид аскриптивной привязанности, основанной на регулярной интеллектуальной, психологической и эмоциональной практике соотношения и последующей самоидентификации индивидом себя с определенной территорией, локальным сообществом, регионом, который характеризуется территориальной, историко-культурной, социальной нормативно-правовой и лингвистической особостью. Территориальная идентичность в социальной и политической практике остается ключевым коллектором таких видов идентичности, как этническая, гражданская, конфессиональная и др., часто «растворяя» их в себе, но при этом придавая им «особые» оттенки, маркируя ее носителей.

Эмпирическая база. Эмпирические материалы¹ включают в себя качественные (фокус-группы) и количественные данные массовых опросов, проведенных в 2021 г. в Саратовской области (СО), Кабардино-Балкарской Республике (КБР), Республике Южная Осетия (РЮО). Выборка квотная, репрезентативная по полу, возрасту, территориальному распределению (город – село)² в РФ: $N = 600$ в СО, $N = 600$ в КБР и $N = 400$ в РЮО. Фокус-групповые исследования были направлены на проведение семантического анализа восприятия иерархии идентичностей. В субъектах РФ проведено по четыре фокус-группы в каждом регионе и три в РЮО.

Методологический дизайн исследования построен на использовании полипарадигмального подхода к изучению феномена территориальной идентичности в сравнительном контексте. В сравнительном контексте исследованы территории, отличающиеся по конституционному статусу. СО – административно-территориальная единица и один из самых «типичных» регионов России по социально-экономическому и социально-демографическому показателям. Это позволяет принять регион как исходную точку сравнительного анализа. КБР является национально-территориальной единицей, имеющей статус «республики»; проводит очень активную социальную и образовательную политику по сохранению

¹ Исследование проведено при поддержке РФФИ (проект № 20-511-07004).

² Для расчета квот по полу и возрасту использованы данные Всероссийской переписи населения РФ 2010 г. и текущие данные Управления статистики в регионах РФ для каждого обследуемого субъекта РФ отдельно (на момент расчетов и проведения полевых исследований), данные Всеобщей переписи населения Республики Южная Осетия 2015 г. и текущие данные Управления статистики Республики.

и редуцированию традиционных норм культуры, языка, форм межэтнического взаимодействия. В сравнении исследуется идентичность жителей РЮО, получившей в 2008 г. статус частично признанного и независимого государства; после войны с Грузией («война 08.08.08») чрезвычайно актуализировано самовосприятие населения через призму территориальной идентичности, восстановления родовых связей с Северной Осетией.

Структуру территориальной идентичности можно представить состоящей из двух взаимосвязанных частей. Первая включает в себя элементы *внешнего позиционирования* локального сообщества в отношениях с внешними группами, государством, отдельными социальными сообществами – (само)название, лингвистические, культурные (одежда, манеры поведения, внешние элементы паттернов отношений между индивидами и т.д.) особенности. Как правило, это маркеры внешней социальной границы сообщества, объединенного общей территориальной идентичностью. Ко второй можно отнести элементы *внутреннего, содержательного характера*: повседневного быта, взаимодействия в семье между младшим и старшим поколениями, гендерные отношения. Здесь происходит постоянное воспроизводство повседневных норм и практик, присущих конкретной территориальной идентичности.

Одним из наиболее значимых маркеров, определяющих территориальную идентичность, выступает самоназвание социальной группы, которое может выражаться в эндоэтнонимах (этническое самоназвание) и в катойконимах (идентификации себя с местом жительства вне зависимости от этнической принадлежности). Часто встречается и микшированный вариант самоназвания. Например, до недавнего времени в осетинском сообществе не было термина для обозначения «осетин в целом»; носители языка идентифицировали себя со своими особыми местными обществами или более крупными племенами [Волкова, 1973].

«...У нас самоназвание осетин – ирон; территория проживания – Ирыстон. Термин “Ир” может использоваться и как краткий вариант названия территории, и как краткий вариант самоназвания. Среди нас, осетин, есть субэтническая группа, называющая себя “дигор”, территория проживания – Дигория; Наконец, бытуют самоназвания – указатели проживания по населенным пунктам, город Цхинвал – цхинвайлаг. ...Так что, резюмируя себя, я имею право называть ирон по принадлежности к народу, туал по месту проживания (отец – туалец) и по городу – цхинвайлаг...» (РЮО, М., 62 г.)

Подобную сложную конструкцию самоназваний можно отметить и в КБР благодаря возрастающему поступательному воспроизводству историко-территориальных идентичностей. Кабардинцы, как и другие адыги, при Переписи 2010 года указали свой экзоэтноним – «черкес» – 2475 чел.³, а в Переписи 2020 г. – уже 26 544 чел.⁴ [Адыги..., 2022].

Отдельным аспектом в отношении КБР можно отметить период активного воспроизводства «особой» территориальной идентичности в начале 2000-х гг. в связи с созданием кабардино-балкарского джмаата как формы альтернативного сообщества, в котором переплетены исторические, территориальные, этнокультурные и конфессиональные особенности [Ярлыкапов, 2016].

Язык локального сообщества, его специфика – диалекты, акценты, является одним из важнейших маркеров территориальной идентичности. В национальных республиках официально действуют несколько государственных языков. В РЮО – осетинский и русский⁵, в КБР – кабардинский (кабардино-черкесский), балкарский (карачаево-балкарский) и русский языки⁶.

³ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 14.04.2023).

⁴ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 5. Национальный состав населения / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 14.04.2023).

⁵ Конституционный закон Республики Южная Осетия «О государственных языках Республики Южная Осетия». URL: <https://parliamentso.org/node/49> (дата обращения: 14.04.2023).

⁶ Закон Кабардино-Балкарской Республики № 1-ПЗ «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики». URL: <https://base.garant.ru/30500301/> (дата обращения: 14.04.2023).

В СО использование экзоэтнонимов менее выражено, поскольку доминирующей этнической группой являются русские, а единственным государственным языком – русский, то и самоидентификация в большинстве случаев происходит по топонимическим критериям – волжане, саратовцы, балаковцы, вольчане, хвалынцы и т.д. Отдельные этнические группы, проживающие в регионе, также в основном имеют территориальную маркировку, например поволжские немцы.

Важно отметить, что топоним – более мягкая форма маркирования социальной границы территориальной идентичности, поскольку автоматически включает в себя новых членов сообщества по факту проживания, часто отсекая «чисто» этнические и лингвистические критерии кодификации.

Территориальная идентичность предполагает соотнесение индивидом себя с определенной территорией, что естественно предопределяет (субъективную и/или объективную) верификацию ее границ.

Объективная верификация чаще всего происходит посредством административно-территориального маркирования границ и проявляется в репрезентациях посредством знаков на дорогах, отдельных указателей, условных линий границ в аэропортах при регистрации и т.д. В современных условиях часто факт пересечения определенной территориально-административной границы – это смена тарифных планов в системе сотовой связи, переход на роуминг.

Однако важнейшим фактором ощущения нахождения внутри ареала (субъективная верификация) является психологическое восприятие той или иной территории как «своей», узнаваемой по физическим аспектам – «мои горы...», «моя Волга...», «здесь все, как дома...» – ощущения человеком физического и социально-психологического комфорта. «...почувствовал...когда вышел из самолета, вдохнул воздух...это наш, мой!... не тот, что во Владивостоке, где я был в командировке, и не в Москве! И я увидел горы в снегу, запах зелени, услышал знакомые слова и фразы... Тогда и понял – я дома!» (М., 43 г., КБР). Эмоциональная составляющая самоидентификации, осознание себя частью локальной социальной группы является мощнейшим мобилизационным фактором, стимулятором воспроизводства и последовательного развития элементов территориальной идентичности. Количественные оценки, полученные в процессе опросов, демонстрируют данные, приведенные в табл. 1.

В данном контексте концепт «я – житель этого региона» объединяет комплекс территориально-патриотических диспозиций, основанных на ассоциациях с прошлым региона, с его достижениями и заслугами перед страной в целом, а также в ощущении принадлежности «себя» к этому. Это чувство испытывает более 63% жителей КБР, 58% жителей РЮО и лишь 42% жителей СО. Не испытывают этого чувства немногим больше 44% жителей СО, против 21% жителей в РЮО и 17% жителей КБР. На этом фоне вполне объяснимо, что не менее 77% в каждом из обследуемых регионов в РФ и 62% в РЮО не испытывают ярко выраженных негативных проявлений «чувства обиды или унижения». Это связано, с одной

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства вызывает у вас, что вы – житель... (Республики Кабардино-Балкария, Саратовской области, Республики Южная Осетия)?», в %

Варианты ответа	Да			Нет			Затрудняюсь ответить		
	КБР	СО	РЮО	КБР	СО	РЮО	КБР	СО	РЮО
Чувство гордости, достоинства	63	42	58	17	44	21	20	14	21
Чувство сопричастности	66	57	71	18	30	14	16	13	15
Чувство отчуждения, безразличия	8	13	10	77	71	78	15	16	12
Чувство обиды, унижения	4	11	21	77	77	62	19	12	17

стороны, с высоким уровнем существующего государственно-территориального патернализма, с другой – со значительным уровнем оседлости, принятия исторически сложившегося уклада. Однако в РЮО тех, кто испытывает чувство обиды, в два раза больше, чем в СО, и в пять раз, чем в КБР, что может быть связано с непризнанностью республики многими странами.

«Местные и соплеменники» – внутренние и внешние социальные границы. Для анализа социальных границ территориальной идентичности была использована концепция социального пространства А. Лефевра [2015], где он выделяет «пространственную триаду»: а) репрезентации пространства (conceived) – используемые властью и идеологией; б) пространственную репрезентацию – пространство жителей территории (lived space) – повседневный опыт пространства, которое «скорее чувствуют, нежели мыслят», то, что формирует «пространственные привязанности», делающие жизнь более устойчивой и ценностно значимой; в) пространственные практики – способы и инструменты воспроизводства практик, структурирующих социальное пространство (perceived). Особую роль для нашего анализа имеют «пространственные практики» и «пространственная репрезентация».

Для описания структуры территориальной идентичности необходимо рассмотреть вопрос самоидентификации и внешней (приписываемой) идентификации по критерию «местные – не местные». Важно отметить, что даже интуитивное ощущение внутренней этнотерриториальной и культурной аффилированности человека с регионом позволяет, даже в незнакомых местах и условиях, практически сразу выделять в общей массе присутствующих «своих», провести некую связь «свой-чужой», выстроить привычную структуру коммуникации и взаимодействия. *«Да, духовная, культурная близость. То есть ты разговариваешь с человеком и видишь, что это мой человек, наш человек. Это житель Кабардино-Балкарии. И место рождения, естественно...»* (М., 25 л., КБР).

В отношении анализа социальных границ территориальной идентичности, способов и инструментов (механизмов) их формирования ключевую роль играет фактор «прозрачности» этих границ, способность «включиться» от имени своего сообщества в «новое» территориальное общество. Причем анализ «прозрачности социальных границ» распространяется как на оценку поведения и реакции реальных людей, так и на «новые» социально-культурные нормы и практики, привносимые существующим доминирующим дискурсом, которые, в итоге, непрерывно видоизменяют саму конфигурацию территориальной идентичности.

По мнению информантов, можно с определенной степенью (но не полностью) называть «местным» человека: *«...который выбрал себе нашу культуру, быт, традиции, чит, уважает, соблюдает все это... Возможно языком владеет. У меня русский одноклассник был, который на кабардинском лучше нас всех вместе взятых разговаривает. Он с детства здесь уже живет. То есть его можно назвать [местным], хотя, казалось бы, он не родился здесь»* (Ж., 29 л., КБР).

При этом интуитивно вводятся темпоральные характеристики, такие как срок нахождения на территории, возраст прибытия на конкретную территорию: *«...Это все-таки человек, который проживает длительное время, уже знает все традиции, в какой-то степени язык, языком владеет. Мне кажется, даже повадки наши перенимаются. То есть он с уважением относится к тому, где ты или я всю жизнь жил, воспитывался. Он включен также. Он очень легко в этом может раствориться...»* (Ж., 24 г., КБР).

Однако специфически выглядит и сама градация на «местных и соотечественников», особенно в национальных республиках. Так, по мнению информантов, приоритетом маркирования человека, «как своего/как местного», является примордиальная привязка человека с его рождения к территории и доминирующей культуре. *«Местным можно называться по рождению, а соотечественник – это любой человек, который проживает на данной территории. Право земли – местным называться. А соотечественник – это чуть другое – любой житель, придерживающийся таких же культурных ценностей – он соотечественник... И вообще главное, я думаю, местный – это тот, который живет на земле своих предков, где жили его старшие...»* (М., 29 л., КБР).

Несмотря на подвижность и достаточно высокую степень прозрачности социальных границ сообщества, существуют негласные, иногда достаточно жесткие, ограничения по инклюзии новых членов. Основным критерием, по которому «включают» в сетевую структуру локального территориального сообщества, является социально-культурная близость, как правило, выраженная в терминах этничности.

Естественно, стоит предположить, что данными каналами не могут воспользоваться «не-свои», то есть не получившие маркер принадлежности к данному сообществу. Для «новых» членов единственным легитимным способом «вхождения» является брак. Однако исследования показали, что, несмотря на потенциальную возможность использования информационно-коммуникативных ресурсов у членов смешанных семей, они практически лишены этого. Члены смешанных семей образуют некую буферную зону между ядром того или иного сообщества («большой семьи») и внешним окружением и воспринимаются как «свои» не всеми членами общины. Так, на одной из фокус-групп о возможности инклюзии был задан вопрос (В.): «Ваш сын уехал в Москву, учился, женился на русской, которая никогда не была здесь. Потом они приехали с семьей сюда. Сколько потребуются времени, чтобы она стала местной?» И.: «Она никогда не станет местной!» В.: «Почему?» И.: «Очень трудно! Это будет зависеть от многих факторов. В первую очередь, их отношения. Что-то она не воспримет, ей будет непонятно, будет тяжело. Что-то нам, как родителям, мне и супруге, будет непонятно в ее действиях. И лучше пусть не приезжает! Мне, естественно, будет лучше, что они рядом. Но вот ради сохранения... Чтобы вот не было конфликтов между нами и ими. Потому что в любом случае он, наверное, будет на ее стороне... Пускай живут там, в Москве, или где там...». В.: «В любом случае получается, что взрослый человек, даже уже будучи членом вашей семьи, приехав сюда, не станет местным?» И.: «Нет! Он не сможет стать местным» (М., 35 л., КБР).

Подобных взглядов придерживались участники других фокус-групп, причем практически все артикулировали недостаточность простого знания языка, культурных и социальных норм для того, чтобы взрослый человек был принят в сообщество, получил «социальное гражданство», социальную «прописку»: «У меня есть пример. Я видела, как парень местный женился на украинке. И она стала придерживаться традиций. Она за год язык выучила, познакомилась со всеми, общается. Но она все равно не совсем наша, местная. Все равно видно же, кто свой...» (Ж., 22 г., КБР).

Более сложная и отчасти драматичная ситуация с выстраиванием и маркированием социальных границ между «своими и соплеменниками» обстоит в РЮО. В частности, в стратегии выстраивания социальных границ между осетинами и этническими грузинами, которые остались жить в РЮО после событий «08.08.08». С одной стороны, жители РЮО – осетины, которые являются доминирующей этнической группой в Республике, а с другой стороны, жители РЮО – этнические грузины, в основном компактно проживающие в Ленингорском районе. Они смогли найти достаточно компромиссную модель межличностных и межгрупповых взаимоотношений. Но при этом историческая травма оказала серьезное влияние на конфигурацию структуры территориальной идентичности в самой РЮО. Выстроенные десятилетиями в период СССР прозрачные и относительно адекватные социальные границы между группами стали минимально прозрачными, оставив лишь возможности структурно-функционального взаимодействия (в основном в системе территориально-государственного управления Республикой), практически нивелировав этнокультурное присутствие грузин в органах власти, силовых структурах, масса-медиа, системе руководства дошкольного и школьного образования.

Однако память о прошлом позитивном взаимодействии на межличностном уровне («Мои соседи, одноклассники, сотрудники...») часто возникает в виде нарративов и очень редко в текущей реальной повседневной практике. «Когда попал снаряд [грузинский] в наш дом, и он загорелся, первыми прибежали наши соседи – они грузины ... сказали – давайте к нам... Мы сидели у них в подвале, ели вместе хлеб... Они и мы очень боялись. На третий день пришел их старший сын, одетый в грузинскую [военную] форму, выгнал нас

на улицу, забрал наш автомобиль, убил собаку ... Нет, они [семья] потом уехали ... Но, все равно – они же первыми прибежали на помощь, спрятали нас!.. но руки [протянуть, поздороваться, при встрече] из-за их сына я им уже не дам...» (М., осетин, 56 л., РЮО).

Таким образом, радикальные внешние геополитические изменения в регионе редуцируются на уровень межличностных взаимодействий, трансформируя не только саму структуру территориальной идентичности, но и комплекс межэтнических, социально-экономических, политических взаимоотношений между жителями. Это формирует новые паттерны, зоны и «точки» политического, социально-экономического влияния и доминирования, изменяя направление, значимость и знак векторов внутритерриториальных (внутри- и межгрупповых) социальных отношений. «...после войны я уже мало кому верю... нас сделали заложниками. Уехать не могу – здесь моя родная земля, дом, кладбище, где наши предки лежат. Но и жить-то как? Живу... как-нибудь выживем. Мы здесь [семья] жили больше двести лет. Работали. Никого не обижали... теперь мы и дети – и не те, и не другие...» (М., грузин, 67 л., РЮО).

Чувство ущемленности, обиды от факта «выталкивания» на периферию социальной и экономической жизни локальной территории вынуждает часть жителей ранее доминирующей группы изменять восприятие своей диспозиции.

Социальные сети как инструмент сохранения, формирования и трансформации территориальной идентичности. Одним из основных компонентов, влияющих на сохранение/воспроизводство и трансформацию территориальной идентичности, являются социальные сети: от неформальных, дворовых, соседских до территориально-актуализированных интернет-сетей. Современные социальные сети воспроизводства территориальной идентичности – это квазиперсонифицированные, «почти живые» технологии: от отдельных интернет-форумов, страниц до создания/ретрансляции пабликов в наиболее распространенных электронных мессенджерах. Участие в них предопределяет ту или иную степень включенности в воспроизводство структуры (тела) конкретной территориальной идентичности. Это позволяет ее участникам публично оперировать терминологией, сленгом, отдельными терминами, «понятными» как в среде исходной территориальной идентичности, так и в надежде на понимание, как минимум – «соплеменников», и/или тех, кто с ними аффилирован (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Состоите ли вы в местных социальных интернет-сообществах, где обсуждаются события и проблемы вашей территории?», в %

Варианты	КБР	СО	РЮО
Да	32	16	38
Нет	60	79	57
Затрудняюсь ответить	8	5	5

Социальные интернет-сети стали современным полем воспроизводства и реконфигурирования территориальной идентичности, наполнения ее новыми нарративными смыслами, визуализации исторического и современного социально-политического контекста. Важно отметить, что в условиях современных социальных сетей (мессенджеров) наличие систем «интуитивного управления», степень включенности в них нивелируют возрастные особенности. Практически в равной степени ими пользуются и молодежь, и старшее поколение⁷.

В СО показатель активного участия в интернет-сетях в два раза ниже (16%), чем в других обследуемых регионах, что является одним из показателей индифферентности к происходящим процессам в локальных сообществах, высоком уровне государственного и регионального патернализма («все равно мы ничего не сделаем, за нас все решили...»). Исключением являются активно обсуждаемые отдельные, особые события, которые

⁷ Как люди третьего возраста пользуются соцсетями. URL: <https://iom.anketolog.ru/2019/08/20/tretiy-vozrast-i-internet> (дата обращения: 15.04.2023).

в дальнейшем становятся общеизвестной историей-легендой, так или иначе – ассоциированной с территорией, с которой респондент себя соотносит («А, вот еще что...да, это было у нас [в городе], я тогда еще это в это время ...вот!»). Это, как правило, происходит на интернет-площадках (форумах), имеющих контекстуальность «Типичный...(город)», где жители высказывают свое мнение по проблемам территории, афишируют частные мероприятия, обмениваются социальными знаниями и опытом⁸.

Несмотря на растущую значимость современных социальных интернет-сетей, в регионах, особенно в национальных республиках, продолжают доминировать «привычные» социальные сети, основанные на близком знакомстве, кровно-родственных связях. Межличностное общение позволяет конвертировать личный социальный капитал в иные виды – от финансовой поддержки, поддержки, при необходимости, в органах власти (лоббирование) до поддержки на выборах. Главное отличие этой формы социальных сетей – личное, персонифицированное знакомство, что обеспечивает значительно более высокий уровень доверия между акторами взаимодействия, комплиментарности, транспарентности отношений, знания (представления) об имеющемся у контрагента социальной сети то или ином капитале (связи «через-через-через...»).

Плотность межличностных отношений, ограниченная численностью жителей территории, высокая сплоченность между микросообществами (фамильными кланами), отдельными лидерами сообщества способны при этом создать существенный барьер в отправлении общегосударственных функций, в частности, системе судебного производства. Ярким примером может являться судебный процесс в КБР «По делу о нападении боевиков на Нальчик в октябре 2005 года». Судебная система региона так и не смогла создать независимый суд присяжных. Оказалось, что все участники процесса знают (прямо либо косвенно, через близких и родственников) друг друга. Поэтому вопрос о непредвзятости был снят с повестки дня, а суд был проведен в другом регионе РФ⁹.

Таким образом, можно констатировать, что, с одной стороны, социальные сети, при всем многообразии форм, – это необходимое условие современного системного воспроизводства территориальной идентичности, а с другой – инструмент социальной, политической, экономической мобилизации жителей локальной территории, способов репрезентации.

* * *

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что территориальная идентичность как социальный феномен обладает свойством синергетичности, способностью включить в себя практически все виды индивидуальных и групповых идентификационных стратегий (гражданской, этнической, конфессиональной и т.д.). При этом территориальная идентичность обладает высокими качествами (вос)производства, гибкости (адаптивности) благодаря институтам государства, семьи, образования, современным средствам коммуникации, которые очерчивают внутренние и внешние социальные границы ее ареала.

Несмотря на свою латентность, территориальная идентичность продолжает играть важную роль в формировании паттернов и выстраивания стратегий межгруппового взаимодействия, которые позволяют проводить эффективную политику современного национализма России с учетом исторических, социокультурных особенностей каждого региона.

⁸ Примерами могут являться «Типичный Балаково». URL: https://vk.com/typical_balakovo (дата обращения: 15.04.2023); «Типичный Саратов». URL: https://vk.com/novosti_saratov1 (дата обращения: 15.04.2023).

⁹ Суд КБР огласит итоги отводов присяжных по делу о нападении на Нальчик. Цитата: «После заявленных ранее самоотводов на процессе рассматриваются кандидатуры только 25 кандидатов в присяжные. Из них суду предстоит отобрать 24 запасных присяжных, так как на предыдущих заседаниях из 1200 человек было отобрано только 13 присяжных». URL: <https://ria.ru/20081209/156793168.html> (дата обращения: 15.04.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. М.: Наука, 2022.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
- Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*, 2002. № 3. С. 61–115. DOI: 10.1353/imp.2002.0025.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012.
- Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973.
- Гельман В., Попова Е. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана, Т. Холфа. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2003. С. 187–254.
- Дробижева Л.М. (ред.) Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia, 2002.
- Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.
- Семененко И.С. (ред.) Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь Мир, 2017.
- Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94–98.
- Казакова Г.М. «Вернакулярный район» как условие интенсификации социальных процессов // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 57–65. DOI: 10.7868/50132162517090070.
- Козырев Ю.Н., Козырева П.М. Дискурсивность социальных идентичностей // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 23–43.
- Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010.
- Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.
- Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Михайлов В., Рунге Й. Идентификация человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 52–62. DOI: 10.31857/5013216250003747-4.
- Мякшев А.П. Национальный состав Саратовской области в начале XXI века: этапы складывания и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 541–548. DOI: 10.18500/1819-4907-2021-21-4-541-548.
- Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Полунин Ю.А. и др. Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО-Университет, 2007.
- Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии: учебное пособие. М.: ВШЭ, 2011.
- Тишков В.А. Национальная идея России. М.: АСТ, 2021.
- Ярлыкапов А.А. Исламская мозаика на Северном Кавказе: вызовы для государственно-конфессиональных отношений // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Т. 1 / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 27–33.
- Twigger-Ross C.L., Uzzell D. Place and identity processes // *Journal of Environmental Psychology*. 1996. Vol. 16. P. 205–220.

Статья поступила: 23.01.23. Финальная версия: 24.04.23. Принята к публикации: 12.05.23.

TERRITORIAL IDENTITY: STRUCTURE, BOUNDARIES, REPRODUCTION

MOKIN K.S.*, BARYSHNAYA N.A.**

* Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

** Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University, Russia

Konstantin S. MOKIN, Dr. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS (mokin_konstantin@list.ru); Natalia A. BARYSHNAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Professor at the Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University (socis64@gmail.com). Both – Moscow, Russia.

Acknowledgements. This work was supported by RFBR “Territorial identity: factors, mechanisms and instruments of formation (comparative analysis of the constituent entities of the Russian Federation and the Republic of South Ossetia)”, grant № 20-511-07004.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the phenomenon of territorial identity as a reflection of modern transformation processes and a relevant indicator of the potential for social mobilization of residents in local territories. The research objectives were to analyze the structure of territorial identity, the forms and mechanisms of reproduction of the external and internal social boundaries of the territorial identity area, and the role of social networks in its reduction. The analysis of the data is based on sociological studies conducted in the Saratov region, the Kabardino-Balkar Republic, and the Republic of South Ossetia. It describes the structural characteristics of territorial identity, the processes of formation of its social boundaries, and evaluates social networks as tools for its preservation, formation, and transformation. The authors conclude that territorial identity occupies a leading place in the structure of an individual self-identification and can be a powerful group consolidating factor.

Keywords: territorial identity; ethnicity; social boundaries; social mobilization; social networks; Saratov region; Republic of Kabardino-Balkaria; Republic of South Ossetia.

REFERENCES

- Anchabadze D., Kushkhabiev A., Pashtova M. et al. (eds) (2022) *Adygs: Adygeans. Kabardins. Circassians. Shapsugi*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Anderson B. (2016) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Moscow: Kuchkovo Pole. (In Russ.)
- Brubaker R., Cooper F. (2002) Beyond Identity. *Ab Imperio*. No. 3: 61–115. DOI: 10.1353/imp.2002.0025. (In Russ.)
- Brubaker R. (2012) *Ethnicity without groups*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (2002) *Social Inequality of Ethnic Groups: Perceptions and Reality*, Moscow: Academia. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2003) *Social Problems of the Interethnic Relations in Post-Soviet Russia*. Moscow: Tsentr Obshchelovecheskich Zennostei. (In Russ.)
- Gelman V., Popova E. (2003) Regional Political Elites and Strategies of Regional Identity in Modern Russia. In: Gelman V., Hopf T. (eds) *Center and Regional Identities in Russia*. Saint-Petersburg: EUSP Press: 187–254. (In Russ.)
- Kachanov Y.L., Shmatko N.A. (1998) Territorial identity as a subject of sociological research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 4: 94–98. (In Russ.)
- Kazakova G.M. (2017) “The Vernacular Area” as Condition for the Intensification of Social Processes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 9: 57–65.
- Kozyrev Y.N., Kozyreva P.M. (1995) Discursiveness of Social Identities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 2: 23–43. (In Russ.)
- Krylov M.P. (2010) *Regional Identity in the European Russia*. Moscow: Novyj khronograf. (In Russ.)
- Lefebvre A. (2015) *The Production of Space*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
- Malakhov V. (2014) *Cultural Differences and Political Boundaries in the Age of Global Migration*, Moscow: NLO. (In Russ.)
- Mikhajlov V., Runge J. (2019) Identification of Individual. Territorial Communities and Social Space: An Attempt of Conceptualisation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 1: 52–62. DOI: 10.31857/S013216250003747-4. (In Russ.)

- Myakshev A.P. (2021) The national composition of the Saratov region at the beginning of the XXI century: The stages of folding and prospects. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. Vol. 21. Iss. 4: 541–548. DOI: 10.18500/1819-4907-2021-21-4-541-548. (In Russ.)
- Melville A.Yu., Ilyin M.V., Polunin Yu.A. et al. (2007) *The Political Atlas of Modernity: Experience in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States*. Moscow: "MGIMO University" Publishing House. (In Russ.)
- Semenenko I. (ed.) (2017) *Identity: the individual, society, and politics*. An encyclopedia. Moscow: VES MIR. (In Russ.)
- Tatarko A.N., Lebedeva N.M. (2011) *Methods of ethnic and cross-cultural psychology: textbook*, Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2021) *The National Idea of Russia*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Twigger-Ross C.L., Uzzell D. (1996) Place and identity processes. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 16: 205–220.
- Volkova N.G. (1973) *Ethnonyms and tribal names of the North Caucasus*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Yarlykapov A.A. (2016) The Islamic Mosaic in the North Caucasus: Challenges for State-Confessional Relations. In: Tishkov V.A., Stepanov V.V. (eds) *Ethnopolitical Situation in Russia and Neighboring Countries in 2014*. Vol. 1. Moscow: IEA RAN Publ.: 27–33. (In Russ.)

Received: 23.01.23. Final version: 24.04.23. Accepted: 12.05.23.